

ЖИЗНЬ СХИМОНАХА ФЕОДОРА

Полезно и приятно рассматривать прошедшее: время, уничтожая влияние страстей, обнаруживает и мрачность зла, и свет добродетели. Таким образом, деяния предков соделываются лучшим наставлением для потомков. Вот цель, с которой предлагается здесь жизнеописание схимонаха Феодора.

Он родился в 1756 году, в городе Карачеве Орловской губернии от благочестивых и правочерных родителей, принадлежавших к купеческому сословию. Потеряв отца в младенчестве, был отдан матерью в дом карачевского протоиерея для обучения российской грамоте и церковному пению. Дитя, руководимое добродетельным протоиереем, ходило часто в церковь, читало добродетельные книги и, мало-помалу знакомясь с Богом, возлюбило Бога. Когда Феодор достиг юношеского возраста, родительница взяла его обратно к себе в дом, и он должен был по ее приказанию заниматься торговлей, но любовь Божия и любовь мирская не могут жить вместе в сердце человеческом. Не может оно работать в одно время двум господам: Богу и миру; если одного возлюбит, то о другом нерадети начнет (Мф. 6, 24). Так случилось и с Феодором; занимаясь торговлей в продолжение двух лет, он не мог к ней привыкнуть. И потому оставляет родительский дом и, никому не открывая своего намерения, уходит в Плошанскую пустынь, лежащую в 80 верстах от Карачева. Обителью управлял добродетельный и довольно искусный старец Серапион; братия в ней была благонравная, и чин церковного служения стройный. Однако мать Феодора скоро узнала о местопребывании его. Водимая родительскою любовью, столь естественною, она приходит в пустынь, видит там сына, принуждает его возвратиться в Карачев и заниматься опять торговлею. По времени он уходил в другую пустынь — Белые берега, но и здесь был отыскан и возвращен в Карачев к своей лавчонке. Утомленный препятствиями, думая, что его намерения монашествовать Богу не угодны, Феодор решил пешись о своем спасении посреди мира. Он принимал странных, подавал милостыню нищим, услуживал больным, ходил в церковь ко всякой службе и занимался чтением отеческих книг. Между тем в городе открылось выгодное приказчицкое место у некоторой вдовы — женщины престарелой и простодушной. На оное был приглашен Феодор и, поскольку хозяйка сама не могла заниматься торговыми оборотами, все управление дел было вручено ему. Вдова была матерью четверых дочерей, уже взрослых. Юноша, обращаясь беспрестанно с женским полом, ощутил в сердце порочную страсть... Не станем оком любопытства измерять глубину его падения. Скажем только, что, вступая в брак, он принес в сие новое состояние и некоторую укоризну совести. Движимый раскаянием, сопровождаемый глубокой печалью, он удваивает прежнее усердное служение странным и прочие добрые дела, которые во время расстройства душевного были им почти забыты. Но печаль не престаёт снедать его сердце. Что ж делает Феодор? Решается на поступок необыкновенный и, по общественному порядку, неправильный. Он отправляется для богомолья в Киев, взяв с собой четыре рубля с полтиною и, поклонившись мощам угодников Печерских, идет к тогдашним границам с Польскою Подолиєю, переходит оное и устраивается в молдавский Свято-Вознесенский Нямецкий монастырь. Сей монастырь находился ниже

Ясс, в 120 верстах от оных при подошве Карпатских гор. В нем было тогда около 700 братьев из различных народов, а настоятелем — россиянин, уроженец полтавский, архимандрит Паисий Величковский, имевший большие природные способности, превосходное монашеское образование. Сначала он безмолвствовал в Афонской горе с другим единомудренным братом, отыскивал в тамошних библиотеках отеческие книги и прочитывал их с глубоким вниманием. Чем более вникал он в сии книги, тем более убеждался в необходимости умного делания, которое предписано нам во Святом Евангелии, которым занимались все святые, без которого, как говорит Великий Варсонофий, суетны подвиги телесные. Паисий, возложась на помощь Божию, занялся умным деланием и так успел в оном, что удостоился благодатных даров, подобно монахам древних времен; в особенности раскрылось в нем отличное дарование руководить ближних в духовной жизни. Многие афонские иноки начали с ним советоваться и получали пользу, от сего возрастала к нему доверенность и число приверженных. Доверие мало-помалу превратилось в безусловное послушание. Тогда необходимость понудила Паисия и чад его составить правильное общество по уставам иноческим, для чего с дозволения турецкого правительства они переселились из Святой горы в Молдавию, сперва в запустевший монастырь Драгомирску, а оттуда в Нямецкий. Порядком и добродетельною жизнью обитель Нямецкая напоминала общежитие Тавеннисийской киновии Феодосия и Саввы. Паисий был полезен не только для одного монастыря своего, но и для Церкви. Он перевел с эллино-греческого языка на славянский многие отеческие книги, как-то: Добротолюбие, св. Исаака Сирианова, св. Симеона Нового Богослова, Варсонофия Великого, Иоанна Лествичника. Сии переводы, хотя по древнеобразному слогу затруднительны, но тем драгоценны, что с необычайною точностию выражают деятельные мысли отцов и сохраняют всю силу подлинников.

Когда Феодор пришел в Молдавию, Паисий был уже лет весьма преклонных. Изможденный трудами и болезнями, он редко выходил из келлии. Приближенные его не соглашались принять Феодора по многочисленности братства и по затруднительному содержанию. Странник находился в крайности: деньги, бывшие при нем, истощились, летнее платье, в котором он вышел из Карачева, обветшало от путешествия. Наступила зима. Он было решился идти обратно в Россию и просил, чтобы допустили его по крайней мере принять благословение старца. Сие позволено; Паисий увидел рубище и жалостное положение юноши, прослезился, утешил его, присвокупил к своему стаду, строго запретив, чтобы впредь никому не отказывать без его веденья. В обители находилось шесть духовников; каждый имел у себя назначенное число братьев, которых он обязан был исповедовать, наставлять в духовной жизни и помогать им в сердечных бранях. Из сих духовников опытейшим почитался иеросхимонах Софроний, по кончине Паисия управлявший Нямецким монастырем. Софронию был вручен Феодор для душевного назидаения, а для трудов монастырских определен в хлебню. В общежительном монастыре печение хлебов есть тяжелое послушание по многолюдству братии и по обычаю общежитий предлагать пищу всем богомольцам, коих иногда бывает тысячи. Проведя несколько дней в хлебне, Феодор видит сон: ему представился широко разложенный огонь, пред которым стояло множество людей, как будто приготовленных к истязанию. В числе прочих был и он. Внезапно явились некоторые необыкновенные мужи, похитили его из среды множества и ввергнули в пламень. «Отчего бы, — размышлял он, — из толкого числа я один брошен в сей свирепый огонь?» «Так угодно Богу», — отвечали мужи. Сие сонное видение Феодор рассказал старцу Софронию, который растолковал оное следующим образом: многим пламенем означает горнило искушений, ку-

да ввергаются иноки, отлучающиеся мира, дабы работать единому Господу. В обители Нямецкой сохранялся обычай, древний обычай, по которому всяк, вступающий вновь в монастырь, должен был исповедать духовнику все грехи, соделанные от младенчества. И в самом деле, весьма прилично начинать поприще покаяния и плача о грехах исповеданием грехов; притом наставник, узнав наши слабости и поползновения, удобнее может нас управлять, предохранять и руководить. По сему обычаю Нямецкого монастыря Феодор поведал старцу Софронию все грехи, соделанные всю жизнь, и был отлучен на пять лет от причащения Святых Христовых Таин. Феодор впоследствии сказывал: «С каким тщанием исповедовал меня старец, что сия исповедь продолжалась более часа».

Когда усмотрели в Феодоре большую горячность к подвигам, то перевели его из хлебни в пчельник, над которым главный надзор имел весьма строгий старец. Здесь, кроме телесных трудов, должно было переносить часто укоризны. В сем послушании он находился два года; потом его сделали помощником в просфорне в монастыре Секуле, который стоит от Нямецкого в 12-ти верстах, и от одного тогда зависел, так же как и многие другие скиты и пустыни. Одна из таковых пустынь была на потоке Поляна Ворона в 5-ти верстах от скита того же имени. В ней жили два друга: иеросхимонах Николай и схимонах Онуфрий, уроженцы черниговские, привлеченные из России в Молдавию слухом о высоких достоинствах Паисия. Они шли путем царским, что в монашеском смысле означает благоразумную умеренность в подвигах и взаимный совет двух или трех иноков, вместе безмолвствующих. Таковое название почерпнуто из слов Царя верных и Царя всех Господа Иисуса Христа: «Идеже еста два или трие, собрани во имя Мое, ту есмь посреди их» (Мф. 18, 20). Николай наблюдал в постоянном молчании за своим сердцем; Онуфрий по благословению настоятеля принимал братьев, приходивших к нему для душевного назидания. Оба старца были уже в летах; а Онуфрий притом чувствовал большую слабость и боль в желудке, который он расстроил в юности неумеренным постом. Архимандрит обратил внимание на старость и болезненное состояние Онуфрия и, дабы оказать ему вспоможение, повелел молодому, наделенному хорошею телесною силою Феодору переселиться в пустынь на поток Поляну Ворону и услуживать старцам.

Таким образом, Феодор переходит от послушания к послушанию. До сих пор он упражнялся в телесных трудах и повиновался телесно, то есть в своих трудах следовал не своей, но ближнего воле; теперь он начал знакомиться с послушанием духовным, мысленным, то есть мыслить и чувствовать не по своей воле, но по указанию ближнего. Если телесное послушание затруднительно и болезненно, то сколь труднее и болезненнее одного послушание мысленное и духовное? Если первое делает человека благонравным, то второе не сделает ли его святым? В наши времена известно более послушание первого рода, а святые отцы заповедают и похваляют более послушание второго рода, от коего первое само по себе истекает. Они его называют духовным мученичеством, распятием своей воли, скорейшим, удобнейшим, правильнейшим путем к достижению святости, последованием Спасителю, Который был послушлив до смерти, смерти крестной. От сего послушания рождается болезненное сердечное чувство, называемое плачем, и мысль, постепенно охладевая ко всему временному, начинает непрестанно притекать и припадать к Богу, в чем и состоит начало истинного умного делания.

Пустынное уединение доставило Феодору возможность исповедовать все помыслы и чувствования старцу Онуфрию, который имел о нем отеческое попечение. Узнав собственным опытом, что неумеренное воздержание — как и невоздержание, он убеждал ученика своего не возлагать упования единственно на телесный подвиг, но, обре-

меняя тело умеренно, все старание обращать к очищению сердца, из коего, по слову Спасителя, исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татбы и прочее зло, оскверняющее человека (Мк. 7). Сии пустынники имели прекрасный обычай причащаться ежемесячно Святых Христовых Таин, для чего они ходили в скит.

Когда однажды по сей причине Феодор пошел в скит, напали на их пустынь разбойники, похитили небольшое количество съестных припасов и прибили обоих старцев столь жестоко, что они едва могли выздороветь через продолжительное время. Потом Феодор занемог сильною горячкою. Был почти на краю гроба и с трудом пришел в прежние силы. Промысл Божий посылает скорби рабам Своим и скорбями искушает их верность.

Протекли 5 лет по пришествии Феодора на поток Поляна Ворона, и старец Онуфрий, отягченный летами и болезнями, скончался. Кончина его была довольно тяжела: 12 часов он томился и произносил как бы ответы на различные вопросы. Некоторые опытные старцы предполагали, что попущено было ему грозное истязание за излишнюю строгость над теми, кои советовались с ним в своих душевных недугах. Когда же через 3 года, по тогдашнему обычаю Нямецкого монастыря, осмотрели его тело, то нашли главу и перси нетленными во свидетельство спасения.

По смерти Онуфрия Феодор жил в пустыни с Николаем полгода, потом переместились они оба в Нямецкий монастырь.

Около сего времени переведена архимандритом Паисием книга святого Исаака Сирианянина, которую Паисий по ее духовному достоинству называл избранным златом. В ней с особенной ясностью и подробностью изложено, каким образом душа очищается Христовыми заповедями, каким образом благодать Божия сама собою вселяется в чистые души и ознаменовывает Свое вселение различными действиями, как-то: непрестанною молитвою, всегдашними слезами, необыкновенною радостью, независимыми от внешних обстоятельств. Паисий весьма желал распространения сей книги, ибо большая часть монахов нынешнего времени, не зная, что в науку монашества есть свое введение, начало, середина и конец, тотчас ищут раскрыть в себе благодатные действия (как будто Бог подчинен воле человеческой!), не позаботясь наперед сделать сердце способным к приятию Божества. От сего неправильного действия, основанного на ложных понятиях, обыкновенно рождаются двух родов последствия: или бесплодность, или произрастание плодов ложных, вместо плодов истинных.

Братия Нямецкой обители по доверенности к настоятелю и по собственному признанию с большим усердием переписывали книгу святого Исаака Сирианянина. Николай и Феодор также переписали оную для себя уставным письмом. Паисий, желая оказать услугу и российскому монашеству, приказал Феодору вторично переписать упомянутую книгу с особенным тщанием на хорошей бумаге и отправил оную к Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, убеждая его, дабы повелел оную напечатать и разослать по монастырям российским. Неизвестно, получена ли сия книга архипастырем. Впоследствии некоторый богобоязливый житель Москвы дарит Феодора книгою, в которой сей узнает сочинение святого Сирианянина, им переписанное для Высокопреосвященнейшего Гавриила по повелению Паисия и подписанное рукою сего старца.

Между тем безмолвный Николай начал весьма ослабевать от старости и болезни. Он чувствовал необыкновенный холод во всем теле и большую часть времени проводил на постели. Феодор служил ему с особенным усердием, целовал его руки и ноги и, раскрывая свои недра, оными согревал охладевшие члены старца. Николай умер весьма тихо в объятиях Феодора, и когда чрез три года осмотрели умерше-

го, то нашли его совершенно нетленным. Феодор, продолжая заниматься различными трудами, жил в Нямецком монастыре до 1801 года. Вслед за Николаем скончался архимандрит Паисий, коего преемником в управлении избран старец Софроний, лишенный зрения и согбенный под бременем лет, но богатый духовными дарованиями. Сей новый настоятель весьма любил Феодора и, видя его ревность к подвигам иноческим, постриг его в схиму.

В 1801 году вступил на престол Российский государь император Александр Павлович. Милостивый Манифест, им обнародованный, позволял свободное возвращение в Россию бежавшим из оной. Сие дозволение Российского монарха подало мысль архимандриту Софронию, родом также россиянину, пересадить несколько лоз из Нямецкого монастыря в отечество, дабы и отечество воспользовалось духовными трудами и дарованиями Паисия. В числе прочих назначено и Феодору оставить Молдавию. Какие же богатства понес с собою инок сей из Нямецкой обители? Какое направление получил он от жительства с Паисием?

Природа одарила Феодора здоровым и крепким телосложением, которое при содействии горячего нрава обыкновенно располагает человека к деятельности и подвигам. И Феодор любил нестяжание до нищеты, бдение, продолжительные стояния на молитве, труды телесные, пост, строго наблюдая оный и в качестве и в количестве пищи. Притом ему известно было, что очищается душа единственно заповедями Христовыми, а не телесными трудами, кои, утомляя плоть, облегчают нам исполнение заповедей Христовых. И потому с большим усердием ходил за больными, принимал странных и совершал прочие дела милосердия. Еще в нем было важное достоинство: он выдержал жестокую войну с плотскою страстию и, получив опытность в сей войне, мог пользоваться других советами.

Российские монастыри отставали благоустройством от Нямецкого: в них и церковное богослужение совершалось с меньшею стройностию, и относительно пищи делались от устава некоторые, впрочем малозначащие, отступления, и сами монахи недовольно имели понятия о истинной духовной жизни, занимаясь почти исключительно телесными трудами. Кажется, сие состояние монастырей и монахов российских имело не безвредное влияние на Феодора, жившего продолжительное время в обители благоустроеннейшей и посреди искуснейших монахов того времени. Поистине тесен путь, ведущий в живот: ибо, с одной стороны, стесняют его наши неправды, а с другой — самые правды, когда они сопряжены с презрением и осуждением ближнего.

Путешествие Феодора из Молдавии в Россию наставительно. Деньги, данные ему на дорогу и попечение о своем теле, он вручил безотчетливо спутникам и в путешествии пребывал как бы в келлии, не заботясь ни о чем суетном и непрестанно занимаясь богомыслием. Так достиг он Орла и по назначению тогдашнего епископа Досифея поместился в Волненном монастыре. Его супруга была еще в живых, но Феодор отказался от свидания с нею и вообще, узнав собственным горестным опытом, сколь человек удобопреклонен ко греху, наблюдал большую осторожность от женского пола: он, хотя и принимал к себе в келлию жен, однако никогда не беседовал с ними без свидетеля, и учеников своих обучал тщательному хранению чувств, в особенности зрения, каковым хранением избегаем был многих волнений.

Монастырь имел штатное положение. Феодор, пожив в оном короткое время, рассудил переместиться в Белобережскую пустынь, общежительную пустынь, начинавшую тогда приходить в цветущее состояние под управлением строителя Леонида, его духовного друга. Обители сей и ее настоятель Феодор оказал большую услугу своими познаниями в монашеской жизни, примером и советами. Им руководимый строитель с полным отречением самолюбия завел в монастыре общежитие в на-

стоящем его смысле. Какова была одежда на начальнике, точно таковая же на последнем послушнике; выходили братия на труды — начальник был впереди их, и ко всякой работе рука его прикасалась прежде всех других. Церковное служение совершалось с глубоким благоговением, со всеми чтениями на всенощных бдениях и утренях, со всею стройностию, столько приличною богослужению. Трапеза была общая, во время оной соблюдалось молчание, лишь прерываемое душеполезным чтением чередного брата, учрежденным к поддержанию в ненарушимости молчания.

Но для общежития мало того, чтоб трапеза была общая, труды общие, одежда одинаковая; нужно, чтобы сердце было едино и душа была едина. Для достижения сего Феодор приучал братию к соблюдению животворящих Евангельских заповедей, приучал благословлять клянуших, никого не осуждать, подвизаться втайне, милловать, веровать, молиться, претерпевать до конца, прощать, дабы быть прощенным.

Довольно ли сего для истинного духовного единения?

Услышим, что скажет нам Евангелие, или лучше, что скажет Господь Иисус Христос, чрез Евангелие говорящий: «Имей заповеди Моя, — научает Спаситель, — и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам. ... Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21 — 23).

Тот, в чьем сердце обитает Сама Любовь, Господь Иисус Христос, за грешников распявшийся, за распинателей молившийся, о убийцах своих плакавший, — тот может ли не вмещать в сердце своем всех ближних и по любви не быть с ними едино? Высокая степень, на которой стояли величайшие святые! Крайняя ступень лестницы, возводящей от земли на небо, к которой посредствующими ступенями служат все прочие добродетели! Кто желает стяжать единение с Богом и ближними, да стяжет Христа; кто желает стяжать Христа, да привлекает Его в себя соблюдением по возможности точным Его святых заповедей; кто желает научиться соблюдению Его заповедей, да прочитывает часто с живою верою Евангелие Христово.

Феодор каждый день читывал определенное число глав из святого Евангелия; читал он прочие книги, монашескому чину соответствующие, но чтение Евангелия повторялось непременно каждый день, как повторяется каждый день употребление пищи. Священнейшая книга сия стояла в келлии Феодора вместе с иконами, и он говаривал: «В Евангелии сокровен Христос; хотящий найти Его обретает Его в Евангелии».

Феодор имел весьма хорошее понятие и о догматах. Сам не читал и ученикам строго запрещал читать еретические книги, даже не терпел, чтоб в келлии его было какое-либо сочинение, содержащее в себе хулу на Бога. «Не хочу, — повторял он слова святого Кириака, — не хочу врагов Божиих иметь в своей келлии».

По времени болезни принудили строителя Леонида уклониться от настоящейской должности. Устроив за монастырскою оградою, в лесу, безмолвную хижину, он переселился туда с другом своим Феодором; они жили там три года, но, тревожимые беспрестанно посетителями, решили избрать для своего уединения место, где бы они были сколько можно менее известны. С сею целию в 1811 году Феодор с дозволения епархиального начальства вышел из Белых берегов и пустился к Новоезерскому монастырю, находящемуся в восточном конце Новгородской епархии, тогда управляемому добродетельным игуменом Феофаном. Под ведомством Новоезерского монастыря состоял скит преподобного Нила Сорского, основанный сим угодником в XV веке, — место весьма безмолвное, окруженное лесом, далеко отклонившееся от мирских селений. Посреди обители стоит деревянная простенькая церковь; кругом оной раскинуто несколько убогих хижин, в коих иноки по уставу основателя проводили пять дней недели, занимаясь молитвою, слезами и рукоделием, а в субботу и

воскресение стекались в храм для служения Божественной литургии и Святого Причащения. В скиту всегда употреблялась постная пища, и вход в оный женскому полу был совершенно воспрещен, как обыкновенно во всех скитах водится. Полюбилось сие место Феодору; равно и Феофану желалось поместить в скит Феодора, как мужа давно ему известного с весьма хорошей стороны. Феофан написал по сему предмету к Высокопреосвященнейшему митрополиту Амвросию письмо, с коим Феодор и отправился в С.-Петербург.

Не возвестилось митрополиту исполнить просьбу старцев: он рассудил лучше послать Феодора в Палеостровскую обитель, лежащую на острове Онежского озера и тогда возобновляемую. Палеостровская обитель возобновлялась. Строитель оной был человек усердный, имевший значительный капитал; он поправлял, как умел, монастырское строение, учреждал хлебопашество, скотоводство, расчищал покосы. Вскоре образ жизни Феодора показался для него странным; вскоре и Феодор увидел, что ему несовместно жить в Палеостровской обители, в которой устроится только одно хозяйство, а существенное устройство монастыря упущено. Он томился духом и, наконец, когда был принуждаем вкушать скоромную пищу в понедельник, вторник и четверги, противно правилам схимонахов, воспротивился строителю. Разразилась ссора. Строитель начал жаловаться начальству, которое погрозило Феодору лишением монашеского чина.

Два года терпел Феодор различные притеснения в Палеостровской обители и слышал повторяемые угрозы начальства по донесению настоятеля о неповиновении подчиненного. Опасаясь, чтобы сии неприятности не окончились чем-либо еще более неприятным, он решил идти к митрополиту для личного объяснения и был переведен в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, однако с запрещением носить в продолжение года рясу и камилавку за самовольное отлучение от Палеострова. Феодор прибыл в Валаамский монастырь в 1813 году. Еще прежде его переселились в сию обитель из Белобережской иеросхимонах Леонид и Клеопа, выходец Нямецкий, со многими другими учениками Феодора. При Валаамском монастыре находился скит, подобный скиту преподобного Нила Сорского; в оный помещены были Феодор и духовные друзья его. Бесспорно Валаамский монастырь, коего основание относят ко времени равноапостольной княгини Ольги, должен занять после Соловецкой обители первое место между монастырями российскими по удобности к строгой монашеской жизни. Гранитные скалы, поднимаясь из глубокого и широкого Ладожского озера, образуют несколько разделенных между собою проливами островов, из коих на главнейшем, имеющем в окружности около 25 верст, стоит уединенная обитель, устроившаяся на край России от суеты мирской, день и ночь оглашаемая Божественным славословием. Ближайший берег в 30-ти верстах; озеро очень бурно, в особенностях весною и осенью, по сей причине, равно и по отдаленности от Петербурга богомольцев бывает мало; обитель к содержанию имеет прочные средства, устав монашеский строг, церковное служение продолжительно; убогая одежда, простая трапеза для всех одинакова, трудных послушаний довольно, братство многочисленное. Валаам с высоких пустынных утесов созывает к себе всех ревнителей строгого подвижничества и безмолвия. Кажется, Феодор мог бы найти здесь давно желанное успокоение — случилось иначе.

И здесь грех отыскал себе пристанище; и здесь для ссоры нашлась пища, и здесь строгое, может быть, даже излишне строгое наблюдение отеческих преданий вооружилось противу заповеди Евангельской. В Валаам вошли в употребление при церковном служении поклоны, не предписанные церковным уставом; также поставлялось на трапезе постное масло в некоторые постные дни, в кои в обители Нямецкой

предлагался только сок конопляный. Сии упрощения и оным подобные строго осуждал Феодор и, стремясь к исправлению таковых упрощений, нарушил общий мир и спокойствие. Чем затмилось в его сердце сияние заповедей Христовых? Чем заглушен был глас Спасителя: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). «О сем разумеют вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 25)? Какой мысленный тать украл из его памяти духовномудрое наставление¹ старца Софрония, советовавшего и умолявшего предпочитать всякой правде правду Евангельскую? Многие из братии разделили мнение Феодора; весь монастырь объяло смущение, и духовное начальство, дабы преградить беспорядок, принуждено было вывести схимонаха из Валаамского в Александро-Свирский. Сие случилось в 1819 году. Феодору сопутствовал верный друг его Леонид; Клеопа за несколько времени до сего окончил свое земное течение.

Оставив строгую обитель, Феодор не оставлял строгого жительства, доколе не изменили ему телесные силы. В 1821 году почувствовал он сильную простуду, которая расслабила все тело и причиняла сильную головную боль. Феодор переносил болезненные припадки с терпением и благодарением, часто произнося сии слова: «Слава Тебе, Боже мой! Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты накажешь меня в сем временном веке!» Болезнь сия была к смерти, продолжалась полтора года, изможила его тело, умягчила дух. Заметили, что он сделался для учеников своих снисходительнее, и вообще во всех случаях оказывал гораздо более милосердия, нежели прежде.

Однажды у окошек его келлии собрались дети играть; Леонид, услышав шум и зная постоянную приверженность Феодора к безмолвию, хотел прогнать детей. Феодор остановил его, сказав: «Их гласы кажутся мне гласами ангелов».

Феодор скончался тихо в пятницу на Светлой неделе в 9 часов вечера 1822 года, будучи 66 лет от роду, сподобившись Пречистых Христовых Таин и святого Елеосвящения². За день до кончины пришел он в некоторый род забывчивости и видит себя в каком-то большом храме, в котором совершается богослужение и на всех клиросах стоят мужи в светлых белых одеждах. Один из сих мужей сходит с правого крылоса и, приближаясь к Феодору, говорит: «Феодор! Время тебе отдохнуть, приходи к нам». Феодор, узнав в сем муже покойного иеросхимонаха Николая, очнулся.

Благочестивый читатель! В сем жизнеописании беспристрастно обнаружены тебе и доблести и слабости старца: подражай доблестям, не осуждай слабости. Что свойственнее немощи человеку? Кто может похвалиться безгрешием? Кто прошел весь путь жизни, никогда не споткнувшись? Однако, видя духовного мужа, укрепленного прочным монашеским воспитанием и долговременными опытами, омрачаемого и колеблемого грехом, не должны ли мы за себя утрапиться.

Точно, страх да будет во всю жизнь нашим спутником, а руководителем — упование на Бога. Сии два пестуна могут благополучно привести нас ко вратам Царствия Небесного, которые да отверзет милосердный Господь всякому толкушему прилежными молитвами и смиренным сознанием своих недостатков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старец Софроний в весьма трогательном письме, носящем печать духовного помазания, советует нямецким воспитанникам в России уклоняться всяких распрей об уставе и сохранять любовь и согласие.

² По индиктиону в 1822 году Пасха 2 апреля, следовательно, кончина 7 апреля.